

с. 17

Чтобы понять, в какой атмосфере складывалось мировоззрение будущего писателя Н.П. Смирнова, необходимо обратиться к историческим источникам, рассказывающим об укладе жизни семьи, в которой он рос. Особый интерес в связи с этим представляют неопубликованные «Воспоминания о старом Плесе» Зинаиды Павловны Смирновой, сестры писателя, дневниковые записи Григория Николаевича Смирнова, его дяди, повесть Н.П. Смирнова «Солнце неспящих» и рукопись Л.П. Смирнова «Николай Павлович Смирнов. Биография».

В начале XX века старшее поколение семьи плесского городского головы Павла Николаевича Смирнова состояло из девяти человек: его матери Зиновии Степановны, его самого, его братьев – Александра, Ивана, Григория, Николая и Гавриила, сестры Анны и жены Евдокии Феоктистовны. Все они жили в доме на углу Дворянской и Ново-Троицкой улиц.

Зинаида Павловна Смирнова вспоминает: «Все дяди жили внизу. Там было три комнаты. Одну занимали все четыре брата, во второй жила бабушка и тетя Аня, моя крестная, после смерти [бабушки – от автора] она там жила одна. А в третьей комнате была столовая – довольно просторная комната с пятью окнами. У одной стены стоял большой стол, напротив – буфет с посудой, около него стояло просторное мягкое кресло. А у другой стены – большая лежанка, выложенная белым с синим рисунком изразцом, на которой дяди по вечерам любили сидеть. Вспоминаю такой эпизод. Это было в какой-то праздник. К нам в гости пришла тетя Соня (София Васильевна Смирнова, жена покойного дяди Вани) со своими сыновьями Борисом и Васей. Борис был года на полтора моложе моего старшего брата Коли, а Вася примерно на столько же старше Лени. Борис и Николай сразу спустились вниз к дядям. Меня послали туда приглашать их к чаю. Спустя с лестницы и открыв дверь, я увидела захватывающую картину. Дядя Ганя сидел, положив ногу на ногу, на лежанке. Что-то горячо рассказывал из охотничьих приключений, а дядя Витя, вскочив с кресла, где сидел посреди комнаты, что-то красочно

изображал руками, братья слушали как замороженные. Мое приглашение осталось без ответа...»¹

«При доме был ухоженный двор с различными постройками: каменная кладовка, светелка с большими окнами и из разноцветного стекла, в которое мне очень нравилось смотреть. Посмотришь в красное стеклышко, и весь двор казался красным, в голубое — все окрашивалось в голубой цвет и т.д. Со двора была калитка в сад. В детстве он мне казался громадным. Половина сада была засажена фруктовыми деревьями. А дальше были грядки с овощами и цветочные клумбы, и в конце сада стояли собачьи будки, где жили охотничьи собаки, около них была калитка, ведущая сразу в поле. Никаких построек до самой Миловки не было. Этим путем дяди и мой старший брат уходили на охоту. Наш сад был одним из самых любимых мест моих прогулок. Там было много уютных уголков, куда я любила забираться в раннем детстве с игрушками, а потом с

с. 18

книгой. Особенно весной, под цветущими вишнями, могла просиживать часами, читать стихи или просто мечтать...»²

Уклад жизни семьи Смирновых во многом становится очевиден из тех характеристик, которые даны Зинаидой Павловной дядям в ее воспоминаниях. «Все дяди были купцами второй гильдии, имели в Плесе две торговые лавки: одна – железоскобяная, вторая – бакалейная»³. В железоскобяной лавке, расположенной в Нижнем ряду напротив трактира Н.В. Векшина, торговали Александр и Григорий, а в бакалейной – Иван, Гавриил и иногда Павел⁴. «Только один из братьев Виктор Ник. унаследовал профессию своего отца, был кузнецом, имел свою кузницу, где проработал до конца своей жизни (умер в 1923 г. 54-х лет). Иван Никол., отделившись, имел свою торговую лавку, но он умер очень рано, и торговлю продолжила его жена Софья Васильевна»⁵, урожденная Калугина. Как вспоминает Л.П. Смирнов, братья Смирновы «утром вставали рано, часов в пять. Дяди пили чай и завтракали и около семи часов уходили на работу: в торговые лавки и в кузницу. Торговля в те годы начиналась в семь часов утра. В лавках у Смирновых никаких подручных или приказчиков не было и всю работу приходилось выполнять самим. В лавках обычно сидели до семи часов вечера. Виктор Николаевич работал в кузнице часов до шести вечера. Частенько около его кузницы собирались знакомые охотники и тогда, не прекращая работы, Виктор Николаевич принимал активное участие в «охотничьих» разговорах»⁶.

Зинаида Павловна продолжает: «Старший из дядей Ал. Ник. — дядя Саша. Он был среднего роста с окладистой бородкой и усами, серьезный, деловой, вся торговля была в его руках. Он закупал товар, заводил деловые связи. Дома я всегда его видела сидящим за столом, около него большие счеты и толстая торговая книга, в которую он что-то записывал. Помню, что из его одежды зимой меня в восторг приводили его валенки. Они были белые с розовыми мушками и розовыми кисточками.

Дядя Гриша (Григорий Ник.) был высокий, худощавый с усами без бороды. Он был очень религиозным человеком, постоянно ходил в церковь, читал религиозные книги, но не только, любил читать и светские. Любил прогулки по Плесу, всегда в одиночестве, вел в течение нескольких лет записные книжки, где записывал ежедневные происшествия. Очень любил природу и в душе был романтиком.

Дядя Виктор внешне отличался от других братьев темными волосами, смуглой кожей лица и большими темными цыганскими глазами. Он был кузнецом, и окрестное население его любило, всегда около его кузницы был народ, а временами велись жаркие охотничьи беседы. Он любил пошутить, посмеяться и был не лишен чувства юмора.

Дядя Гавриил внешне совсем не походил на дядю Виктора. Имел светлые с рыжиной волосы и такие же усы. Он, по-видимому, имел деловые, торговые качества.

с. 19

Их объединяла страстная любовь к охоте. Сборы на охоту были для них настоящим праздником. Все делалось с любовью, не торопясь. Чистили ружья, готовились и прочие

охотничьи принадлежности. Я помню их в охотничьих куртках с перекинутыми через плечо ружьями. Они заходили в сад за собаками, жившими в добротных будках, две, а иногда и три. И тогда вся наша слобода оглашалась победным лаем. И все знали, что братья Смирновы пошли на охоту!»⁷ Именно охота свела братьев Смирновых с И.И. Левитаном, также бывшим, как и они, заядлым охотником. Позднее любовь к охоте и русской природе братья привили своему племяннику Николаю Павловичу. Как писал, Леонид Павлович Смирнов, «с тех пор и до конца жизни его не оставляла глубочайшая любовь к поэзии охотничьих странствий, которая заняла такое большое место в его творчестве»⁸. А рассказы дядей о дружбе с Левитаном легли в основу повести Николая Павловича Смирнова «Золотой Плес». Прекратились охоты в 1923 году. Дяди в начале 20-х годов XX века умирали один за другим. После смерти в 1923 году Виктора Николаевича, Гавриил Николаевич «продал собак и на охоту больше не ходил»⁹.

Другой привязанностью братьев Смирновых была музыка. Зинаида Павловна вспоминает: «В гостиной стоял граммофон, привезенный ими с Нижегородской ярмарки. Любили слушать арии из опер в исполнении Шаляпина или еще каких-то тогда известных артистов. Звучали марши и вальсы: “Амурские волны”, “Лесная сказка” и пр. И всегда слушали романсы в исполнении Вяльцевой и Вари Паниной. Дядя Гавриил ставил пластинки, предварительно торжественно объявлял: ”А сейчас будем слушать госпожу Вяльцеву”, — или: ”Цыганский романс в исполнении госпожи Вари Паниной”»¹⁰.

Эту любовь к музыке, даже еще более глубокую, можно видеть и у Николая Павловича Смирнова. В дневниковых записях за 7 декабря 1970 года встречаем запись: «Слушали вчера с З. американского пианиста – Джона Браунинга (в зале им. Чайковского). Молодой человек, блестящий талант. Играл несколько сонат Бетховена, в частности – «Аппассионату», чудесно сочетая в игре грустное и нежное тепло с бодрой стремительной силой, и мастерски оттеняя совершенство каждого звука, врезанного в вечность – как врезается серебряная строчка в эмаль.

Замечательно прозвучали (на «bis») этюды Скарлотти, Моцарта, Генделя. Чувствовал, как и всегда при «погружении» в музыку, неподвластное слову ощущение своеобразной «невесомости», отделения и отдаления от обыденности: соприкосновение с миром той духовной чистоты, которая свойственна любой религии (или ее любому проявлению).

В настоящее время, – уже давно, – в связи со всяческими, иногда очень неприятными недомоганиями, посещаю музыкальные залы редко (что оставляет впечатление особенной праздничности). А было время – послевоенные годы, до половины 60-х гг., когда моя духовная жизнь, кроме чтения, сосредото-

с. 20

чивалась в музыке – и сколько незабвенно прекрасных концертов прослушал я тогда (включая Ван-Клейберна, Рихтера, Софроницкого, Гилельса, Ойстраха, Мравинского, Кондрашина и других), и сколько света, тепла и радости перечувствовал, сколько возвышенных дум передумал (под громово-торжественные раскаты оркестра, под магически-завораживающие звуки роля, под неземные, то ликующие, то печальные напевы скрипки...

Тогда я особенно полюбил Рахманинова во всей его творческой гениальности – симфонии, сонаты, прелюдии, концерты, романсы, и с тех пор он вошел в мой внутренний мир, заняв там место рядом с Буниным и Левитаном...»¹¹ В тот же год 8 декабря Николай Павлович записывает в дневник: «Очень люблю музыку Яна Сибелиуса. Сегодня с огромным удовольствием прослушал (по радио) «Пятую симфонию», отрывок из вариаций на тему Калевалы и симфоническую поэму «Финляндия».

Много, особенно в «Финляндии», солнца и блеска, отраженного в озерах и водопадах, много певучего ветра, который, несясь с моря, колоколами гудит в вершинах дремучего бора, много музыкального перезвона прозрачных, студеных шхер... То же патриотически-влюбленное начало чувствуется и в вариациях из «Калевалы», только на

другой, литеро-эпический лад, а большая торжественность «Пятой симфонии» несомненно перекликается с симфонией Рахманинова: высокая сыновняя любовь к матери-Родине и ее природе, выраженная в образах предельной красоты, органически дополняется любовью к жизни, философски осмысляемой в музыке как служение и подвиг»¹².

Запись от 10 января 1971 года: «Слушал вчера, по радио, несколько сонат Бетховена, в том числе «Аврору» и «Аппассионату».

Я был дома один, – выключил свет, зажег елку и отдался волнам и лучам Музыки, как отдается птица в полете ветру и синеве.

Елка отражалась на стене и на потолке причудливыми папоротниками, а в огне – волшебными огнями, и мне казалось, что оттуда смотрит незабвенная юность.

Казалось еще, что этот волшебный блеск создает бетховенская музыка.

Было бы, вероятно, не страшно уходить, если бы знать, что за гранью этой жизни, в таинственной стране, сияет такой же елочно-рождественский свет, и звучит такая же музыка, сплетенная из радости и страсти, нежности и грусти...»¹³

Братья Смирновы любили читать, и сами были замечательными рассказчиками. Л.П. Смирнов вспоминает: «Старший дядя Александр Николаевич, довольно молчаливый и замкнутый человек, когда оживлялся и рассказывал что-нибудь, то поражал яркостью и образностью своей речи. Дядя Иван Николаевич, еще будучи молодым человеком, удивлял И.И. Левитана обширностью и разнообразием своих знаний. Дядя Григорий Николаевич был чуток к художественному слову, очень любил книги и по его инициативе ежегодно выписывались различные газеты и журналы. Особенно любимым журналом была «Нива»,

с. 21

которая в качестве приложений давала собрания сочинений различных писателей, русских и иностранных. Благодаря этому в доме составила довольно хорошая библиотека, сыгравшая огромную роль для развития литературных вкусов Николая Павловича»¹⁴. В своей автобиографической записке последний писал: «Из передних комнат родного дома видна была Волга, на которую я, еще ребенком, смотрел часами, как часами не отходил от книжного шкафа...»¹⁵ Зинаида Павловна вспоминает, что Николай «с раннего детства полюбил книги, без конца просил почитать. А когда научился читать сам, то целые дни проводил за книгами. В доме была большая библиотека, книги любили все, и Мама всегда брала только грамотную прислугу, чтобы могла читать детям. Выписывали различные газеты, журналы, конечно, и детские. Из них помню “Задушевное слово”, “Жаворонок” и для меня — “Светлячок”»¹⁶.

Старшее поколение семьи Смирновых было религиозно и, кроме того, обладало замечательным качеством – веротерпимостью. Из воспоминаний З.П. Смирновой мы узнаем, что Зиновия Степановна, бабушка Николая Павловича, была старообрядкой. Вот как описаны ее похороны и поминки в воспоминаниях внучки: «Бабушка Зиновия Степановна умерла в 1915 г. Я смутно помню ее похороны. Она была староверка, и ее хоронили по староверскому обряду. Помню, что поминки были в другом доме. Помню, что на похоронах было много народа и был огромный бисквитный пирог и миндальное молоко»¹⁷. Остальные члены семьи ходили в православную церковь. Л.П. Смирнов вспоминал: «Из религиозных праздников особенно торжественно отмечались Пасха и Рождество. В Пасху нерабочими были три дня, на Рождество — два. В учебных заведениях на эти праздники приходились каникулы. К праздникам дом приводился в состояние идеальной чистоты. Готовились праздничные блюда. В доме пахло чистотой, ванилью, специями, пирогами, куличами. В церковь на праздничную службу ходили в свою приходскую – в Собор на Соборной горе. Не ходили в церковь только Зиновия Степановна (она была старообрядкой по “австрийскому согласию”) и кто-либо из дядей, оставшийся дома. Дяди Виктор и Гавриил Николаевичи, хотя и редко ходили в церковь, но любили порассуждать о церковном пении»¹⁸.

Особенно религиозен был Григорий Николаевич, который ходил в церковь постоянно, обходя зачастую несколько храмов. В своём дневнике он пишет: «За обедню ходил к Преображению, за вечерню – к Воскресению»¹⁹. В записи, подписанной «страстной Великий четверг» читаем: «Сегодня Господь сподобил приобщиться Святых Христовых Тайн. Слава тебе Боже, Слава тебе Боже, Слава тебе Боже. Иду на Стояние Страстей Христовых! Стояние шло три часа. Вечер чудный, тихо, до дому я шел с зажженной свечой»²⁰ Н.П. Смирнов в повести «Солнце неспящих» пишет, что дядя Григорий был «неразговорчив и религиозен: по субботам непрерывно ходил на всенощную, по воскресеньям – за утреню, принося оттуда белую украшенную молитвословной вязью просфору, и очень любил уединенные, непременно уединенные прогулки...»²¹ Из дневни-

с. 22

ков Григория Николаевича мы узнаем, как во время этих прогулок он любовался окружающим его миром, созерцал его как божье творение и проявление Творца: «Ночь была чудная, звездная, тихо и тепло, летняя. Освещение удалось хорошо. Днем дивная, чудная погода, ясно, тихо и жара, в тени 18 гр. Ночь не спал, ушел в 10 час. Сначала ходил к Воскресению, читал деяния, потом прошел на откос и прошел мимо дачи полем к Троице, от Троицы в Собор и на гору Соборную, долго сидел на горе. Нынче замечательно, обедня рано отошла, в 3 часа еще темно. После утрени домой не ходил, а опять сидел на горе. Днем ходил на кладбище, звонил в трех церквях. Гуляли, по горам совершенно сухо, без галош в летнем пальто. Такой кажется Пасхи не бывало...»²²

А вот что пишет Зинаида Павловна о Павле Николаевиче, своем отце, остро предвидевшем грядущие за революцией трагедии: «Чего стоило пережить первый обыск, когда в дом поздним вечером буквально ворвалась настоящая банда «под знаменем революции». Это были матросы с какого-то корабля, зазимовавшего в Плесе. Перерыли весь дом вплоть до погреба и подвала. Врывались и в детскую, но Мама их туда не пустила. Мы с братом, конечно, проснулись и очень испугались. Это было первое впечатление от нового режима. А на базаре устраивались бесконечные митинги под красными флагами, по набережной ул. Ходили передовые товарищи из плесских жителей и организаторы из района с лозунгами и рев. Песнями «Смело товарищи в ногу» или «Вихри враждебные веют над нами» и т.д. Помню, Папа приходил с базара, вставал на колени перед иконами, молился и плакал»²³. Вера становилась опорой в самые сложные моменты жизни.

Искренняя, светлая и поэтичная в своих проявлениях вера старшего поколения семьи Смирновых благодатно проросла в душе будущего писателя. Вот лишь некоторые записи из дневника Н.П. Смирнова, датированные 1970 годом. «20. 5. Вчера был день моих именин. Накануне ходил в церковь (Новокузнецкую), целый час стоял "при дверях", – паперть и боковые входы были забиты народом, – и только позднее прошел внутрь. Прекрасный хор, иногда, правда, слишком "партесный" (особенно в Великом Славословии), еще сохранившееся пасхальное убранство, обилие цветов (даже молодая черемуха), празднично-торжественные тени, кадила, милый блеск лампад, огромные, страдальческие и в то же время счастливые очи Богоматери, на византийской иконе в кипарисовом киоте, — все это, как и обычно, настраивало душу на тот высокий лад, который делает ее способной и на покаяние, и на добро, и на подвиг... И с каким теплом, с какой нежностью откликались в ней, утишенной и просветленной душе, слова простой, скромной и легкой молитвы "Преподобный отче Николае, моли Бога о нас"!..»²⁴ «31.8. Вчера свершалась одна из наиболее трогательных служб – чин погребения Богоматери. Пришел, – в храм на Ордынке, – позорно, к самому погребальному звону, с трудом втеснился вовнутрь и, со спазмами в горле, со слезами на глазах, наблюдал весь обряд – поднятие усыпанной цветами Плащаницы под трагически траурные звуки

с. 23

«Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас...» крестный ход (в пределах храма), счастливо-горестные вздохи молящихся, благочиние и благообразие клира.

Служба – пышная, торжественная: золотые костры паникадил, многолюдство, аромат синего фимиама, радужная пестрота лампад, обилие цветов, белая, в серебре и лазури, риза Архиепископа, такая же митра, могучий, то плачущий, то гремющий хор.

А над всем этим – теплый, светлый, вековой образ Девы – Матери, имя которой пробуждает в душе самые сокровенные чувства, излучает немеркнущий свет Христов, дарит тишину и покой...

Образ Богоматери с божественным сыном на пречистых руках – что может быть выше и совершеннее в этом, злом и прекрасном, мире?»²⁵

Вся атмосфера большой семьи Смирновых была проникнута любовью, любовью друг к другу, любовью к детям. И основными хранителями этого тепла были Павел Николаевич и Евдокия Феоктистовна. В автобиографической неопубликованной повести «Солнце неспящих» Н.П. Смирнов описывает свои детские впечатления: «...Я знаю и понимаю, что только она, вместе с отцом, оберегает мою младенческую незащищенность, что свою радость и горе я могу принести только им, что, вообще, не будь отца и матери, их любви и заботы, – я бы, кажется, пропал, затерялся в огромном мире: ведь только через них, через мать и отца я как-то утверждаюсь на земле, осознаю свою человеческую жизнь, как бы проносимую на их крепких руках.

Несколько часов, проведенных без матери, уже тяготят меня. Заботы и невзгоды, отраженные на лице ее, передаются и мне. И все в ней дорого мне: и ее гладкие, просто убранные волосы, и чуть глуховатый голос, и ее старинные деревенские песни, и всё так или иначе соприкасающееся с ней: меховая, морозно-пахучая шуба, широкая и теплая вязаная шаль, небольшое зеркало на ореховом комодe, витые шпильки, черепаховый гребешок, какая-то изредка открываемая ею коробка из карельской березы, где лежат атласные перчатки, бальный веер, и нарядные, цветами обвитые свечи – память ее девичества и замужества.

Так же близко чувствую я и отца, его сдержанную и молчаливую, но всегда добрую приветливость и ласковость, его, всегда чуть неровную походку, весь его милый, больной образ – слегка бледное рыжебородое лицо, высокий лоб и усталые, ласковые глаза. Я уже знаю все его привычки и обычаи, знаю, что он, придя домой, будет долго и неторопливо рассказывать матери что-то обыденно-интересное, изредка и внезапно смеясь коротким и громким смехом, будет долго сидеть за столом, шурша бумагами и, конечно, принесет, как обычно, или связку холодных, сухо хрустящих анисовых баранок или какую-нибудь необыкновенную конфету в золотистой бумаге, разрисованной пушистыми цветами. И мне так хорошо ждать его, ленясь на лежанке в эти спокойные и чистые зимние сумерки, под эти материнские песни, сладко томящие моё

с. 24

сердце. Тепло лежанки и сумеречная полумгла убаюкивают, клонят в сон... но спать нельзя, не надо: впереди длинный, привычно счастливый, любимый вечер, – чай, чтение, рассказы, ужин – все то мирно-домашнее, отдохновенное, чем я дорожил уже в те далекие годы»²⁶.

Итак, весь уклад жизни старшего поколения семьи Смирновых, строившийся на основах любви: любви к работе, любви к Богу, к природе, к охоте, к музыке, к людям, оказал огромное влияние на становление Н.П. Смирнова как человека и писателя. Это прекрасно понимал его брат Леонид Павлович, сам выросший в этой среде, который писал: «Как видим, на формирование личности Николая Павловича, на развитие его литературного дарования немалое влияние оказывала вся атмосфера родного дома»²⁷. Не случайно именно тогда, когда Николай в конце 1914 года заболел неврастением и по совету врачей на год покинул Кинешемское реальное училище, окунувшись в спокойную

и благодатную жизнь родного дома, с небольших рассказов и стихов началась его писательская деятельность ²⁸.

-
- ¹ Смирнова З.П. Воспоминания о старом Плесе. Архив ИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
 - ² Там же. Л. 1.
 - ³ Там же. Л. 1.
 - ⁴ Там же. Л. 2.
 - ⁵ Там же. Л. 1.
 - ⁶ Смирнов Л.П. Материалы по истории дома Смирновых. Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Н/а 25. С.10-11.
 - ⁷ Смирнова З.П. Воспоминания о старом Плесе. Архив ИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л.1-2.
 - ⁸ Смирнов Л.П. Николай Павлович Смирнов. Биография. Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 15. Л.6.
 - ⁹ Смирнова З.П. Воспоминания о старом Плесе. Архив ИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.
 - ¹⁰ Там же. Л.2.
 - ¹¹ Смирнов Л.П. Медальоны памяти. Книга восьмая (Октябрь 1970 – Февраль 1971). Архив ПГИАХМЗ. Л. 15.
 - ¹² Там же. Л. 29.
 - ¹³ Смирнов Л.П. Медальоны памяти. Книга восьмая (Октябрь 1970 – Февраль 1971). Архив ПГИАХМЗ. Л.42.
 - ¹⁴ Смирнов Л.П. Николай Павлович Смирнов. Биография. Архив ПГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 15. Л. 6.
 - ¹⁵ Там же. Л. 5.
 - ¹⁶ Смирнова З.П. Воспоминания о старом Плесе. Архив ИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 10.
 - ¹⁷ Там же. Л. 1.
 - ¹⁸ Смирнов Л.П. Материалы по истории дома Смирновых. Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Н/а 25. С.13.
 - ¹⁹ Смирнов Г.Н. Дневниковые записи. Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 8. Л. 18.
 - ²⁰ Смирнов Г.Н. Дневниковые записи за 1910 г. Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 9. Л. 9.
 - ²¹ Смирнов Н.П. Солнце неспящих. Архив ПГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 16. Л. 25.
 - ²² Смирнов Г.Н. Дневниковые записи за 1910 г. Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 9. Л. 10.
 - ²³ Смирнова З.П. Воспоминания о старом Плесе. Архив ИО ПГИАХМЗ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 51. Л. 3.
 - ²⁴ Смирнов Н.П. Медальоны памяти. Книга седьмая (май 1970 г. – октябрь 1970 г.). АИО ПГИАХМЗ. Л. 3.
 - ²⁵ Там же. Л. 62-63.
 - ²⁶ Смирнов Н.П. Солнце неспящих. Архив ПГИАХМЗ. Ф.10. Оп. 16. Л. 19.
 - ²⁷ Смирнов Л.П. Николай Павлович Смирнов. Биография. Архив ПГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 15. Л. 6.
 - ²⁸ Там же. Л. 7.